

Беседа

**«Гремела битва под Москвою бессмертной песней о Москве»
80-летию Московской битвы
посвящается**

«Когда меня спрашивают, что больше всего запомнилось из минувшей войны, я всегда отвечаю: битва за Москву».

Г.К. Жуков

Беседа посвящена «юбилею одного из самых трагических и горестных, и вместе с тем, незабываемых и переломных событий Великой Отечественной войны – 80-летию Московской битвы». Необычность беседы - в форме подачи материала. Это рассказ о песнях, созданных во время войны, как непосредственный литературно-музыкальный репортаж с места событий, получивший высокохудожественное обобщение.

«Поразительна способность песни впитать в себя и зацементировать на вечные времена определённое состояние человеческого духа, вместить в себя и историю страны, и горе народное, и превратности отдельной человеческой жизни или судьбы, трепет чувства людского. “Голос живой” – вот чем были и остаются песни военной поры». Рассказы взяты из сборника Ю.Е. Бирюкова «”...За спиной была Москва”: история битвы в песнях» (Москва: Современная музыка, 2001. 231 с.).

Бирюков, Юрий Евгеньевич. ...За спиной была Москва : история битвы в песнях. – Москва : Современная музыка, 2001. – 231 с. : ил., ноты. – (К 60-летию битвы под Москвой).

Известный музыковед и композитор Юрий Евгеньевич Бирюков с радостью откликнулся на предложение издательства «Современная музыка» стать автором-составителем сборника песен о Москве, посвящённого 60-летию битвы под Москвой. В предисловии к сборнику он написал: «Издание это необычное. Название ему дала песенная строка “...За спиной была Москва”. Это собранный мною воедино, “под одной крышей”, как говорится, песенный материал, отражающий события времён Московской битвы (слова и клавиры песен, рассказы или комментарии, иллюстрации к ним и т.д.). Никогда ранее такого рода песенные издания, посвящённые поистине знаковому событию времён Великой Отечественной войны, каким была и остаётся Московская битва, не выходили. В нём собраны и представлены песни, созданные как по горячим следам тех давних событий, так и родившиеся в послевоенные годы и создающиеся в наши дни. Среди них – песни канонические, хрестоматийные, широко известные, по праву вошедшие в отечественную песенную антологию, и те, что рождались во фронтовых окопах, блиндажах и землянках, сочинялись в глубоком тылу неизвестными авторами, переписывались друг у друга и в таком виде дошли до наших дней. Многие из них восстанавливались мною по такого рода вариантам слов и напевов и, по существу, впервые публикуются».

«Песня защитников Москвы»
Музыка Бориса Мокроусова
Слова Алексея Суркова

Великая битва под Москвой – одна из крупнейших битв Второй мировой войны. Она началась в конце сентября 1941 года и развернулась на огромном пространстве. Фашистское командование рассчитывало прорвать оборону советских войск ударами мощных танковых группировок, нанести им как фронтальный удар с западного направления, так и удары в обход Москвы с севера и юга. Столицу нашей Родины гитлеровцы рассчитывали блокировать, а её население – уморить голодом. Свидетельство этому – слова Гитлера, сказанные им на совещании в штабе группы армий «Центр» осенью 1941 года. Город должен быть окружён, – заявил он, – так, чтобы «ни один русский солдат, ни один житель – будь то мужчина, женщина или ребёнок – не мог его покинуть. Всякую попытку выхода подавлять силой». Он считал, что Москва и её окрестности будут затоплены, и там, где сегодня стоит город, возникнет море, которое навсегда скроет столицу русского народа от цивилизованного мира.

«Дни лета, осени и зимы 1941 года, – вспоминал впоследствии об этом времени поэт Алексей Сурков, который провёл их на Западном фронте, среди солдат, прикрывавших на многострадальной белорусской и смоленской земле подступы к советской столице, – никогда не сотрутся в нашей памяти. В эти дни и месяцы мы с особой силой почувствовали, как неповторимо прекрасен наш город, как дорог нашему сердцу каждый дом, который мы возвели, каждое дерево, которое мы посадили, каждый станок в заводском цехе, которому мы дали жизнь. В эти дни всеобщая любовь к Москве предопределила всенародный характер обороны её от вражеского нашествия. Уже в первой половине июля сердце подсказало мне тему стихотворения, припевом которого были строки: “Вперёд! В наступленье! Назад ни шагу! За нашей спиной Москва”.

И до смертного часа не изгладятся в моей памяти воспоминания суровой осени того года. Жестокая беда фашистского наступления настигла нас в первых числах октября. Под ударами врага фронт развалился, и бронированные орды, подминая полки, дивизии, армии, хлынули к Москве с запада, начали обтекать её с юга и севера, с пугающей быстротой приближались к тем рубежам, которые в сводках Совинформбюро именовались дальними подступами к столице».

Как раз в ту пору и было написано Алексеем Александровичем стихотворение, ставшее впоследствии «Песней защитников Москвы». Первую его публикацию помог мне отыскать боевой однополчанин Суркова по фронтовой газете «Красноармейская правда», поэт Михаил Матусовский, сохранивший в домашнем архиве подшивку этой газеты за 1941-й год. «В то тревожное и трудное для Москвы время, – вспоминал в беседе со мною Михаил Львович, – решено было выпустить специальную полосу “Красноармейской правды”, газеты Западного фронта, сделанную силами писателей, находившихся в составе редакции.

Вот пожелтевшие страницы, датированные 3 ноября 1941 года. Достаточно прочесть шапку на первой полосе “Защитники Москвы, будьте начеку! Вероломный враг собирает силы для новых атак. Не дадим захватить нас врасплох. На удар врага ответим сокрушительным ударом...”, чтобы представить себе обстановку тех дней. На этой полосе статья Вадима Кожевникова “Грозная Москва” и мои скромные строки о всем нам дорогой столице. А вот слева и первая публикация будущей “Песни защитников Москвы”. Алексей Сурков понимал, что от него ждут такой песни и не мог не написать её. В ней удивительно запечатлено и отчеканено время.

Перечитываю строки припева:

Нерушимой стеной,

Обороной стальной

Остановим, отбросим врага.

Позднее, насколько я помню, запели:

Разгромим, уничтожим врага.

Зазвучат чеканные строки марша – и сразу тебе вспомнится дым сражений “в белоснежных полях под Москвой”, неумолчный грохот зениток и бесшумное, а от этого ещё более страшное, движение лучей прожекторов в небе ночной Москвы».

11 ноября 1941 года стихотворение Алексея Суркова перепечатала газета «Вечерняя Москва». По-видимому, на эту публикацию и обратили внимание работники киностудии документальных фильмов, превратившейся в штаб съёмок битвы за Москву. Вместе с воинами, державшими оборону под Волоколамском, на Можайском и других направлениях, под вражеским огнём снимали кинооператоры этой студии эпизоды смертельных схваток с фашистами. Приехав с передовой и сдав материал в лабораторию, тут же, в подвале здания в Лиховом переулке, они падали на койку, чтобы отоспавшись, с рассветом снова ехать в гущу боя. В те дни стал выходить киножурнал «На защиту родной Москвы». Вышло пятнадцать его номеров, отражающих жизнь столицы, её предприятий, рассказывающих о готовности москвичей с оружием в руках охранять подступы к родной Москве.

В одном из них и была «опробована» песня, сочинённая на стихи Алексея Суркова. Автором её музыки стал композитор Борис Андреевич Мокроусов .

А когда пришли долгожданные и радостные дни нашего наступления и разгрома фашистских войск на подступах к столице, и на экраны страны вышел полнометражный документальный фильм «Разгром немецко-фашистских войск под Москвой», «Песня защитников Москвы» прозвучала в нём целиком, в исполнении оркестра и хора, стала своеобразным лейтмотивом картины. Её полюбили и подхватили повсюду. С экрана песня эта ушла в жизнь, в бой и прошла с нашими воинами от стен столицы до поверженного рейхстага.

«Моя Москва»

Музыка Исаака Дунаевского
Слова Марка Лисянского и Сергея Аграняна

На 23-м километре Ленинградского шоссе – том самом рубеже, где суровой осенью 1941 года был остановлен враг, рвущийся к Москве, вознеслись к небу три огромных железобетонных «ежа» – памятник героическим защитникам столицы. На гранитном его постаменте – вехи слова из любимой народом песни:

**И врагу никогда не добиться,
Чтоб склонилась твоя голова...**

Памятник был спроектирован и сооружён московскими архитекторами, скульпторами и строителями в ознаменование 25-летия разгрома гитлеровцев под Москвой. А песня, строки которой в нём увековечены, стала по праву гимном великому городу-герою.

То, что Москва была и остаётся не просто столицей, а поистине сердцем нашей Родины, все мы особенно ощутили именно в годы Великой Отечественной войны. Это отношение народа к Москве – и тех, кто был на фронте, и тех, кто оставался и трудился в тылу, запечатлено во многих песнях, родившихся в ту незабываемо тревожную пору. И всё-таки, пожалуй, самой яркой в их ряду была и остаётся «Моя Москва» – песня, затронувшая и всколыхнувшая глубинные чувства людей, внутренне тянувшихся к Москве и веривших в то, что Москва выстоит, а с нею выстоит и Россия.

Эта песня и сегодня волнует сердца – столь велик эмоциональный заряд, заложенный в её словах и музыке...

Интересны подробности, связанные с рождением и первым исполнением этого произведения. В журнале «Новый мир» № 9-10 за 1941 год было опубликовано стихотворение мало кому известного в ту пору поэта-фронтовика Марка Лисянского «Моя Москва»:

**Я по свету немало хаживал,
Жил в землянках, в окопах, в тайге,
Похоронен был дважды заживо,
Знал разлуку, любил в тоске.
Но Москвою привык я гордиться,
И везде повторял я слова:
Дорогая моя столица,
Золотая моя Москва!**

Возможно, так и остались бы эти стихи неостребованными временем, если бы журнал, где они были опубликованы, весной 1942 года не попал в руки композитора И.О. Дунаевского. Тот прочитал их в вагоне агитпоезда ансамбля песни и пляски Центрального дома культуры железнодорожников, которым руководил, где-то на пути из Читы в Улан-Удэ, за многие тысячи километров от Москвы. По заданию Главного Политического Управления Красной Армии и Наркомата путей сообщения ансамбль ЦДКЖ колесил в ту пору по Уралу, Сибири и Дальнему Востоку, обслуживая воинские формирования и «тыл 1-й очереди» (как значилось в предписании). Артисты выступали на пограничных заставах, на кораблях Тихоокеанского флота и Амурской военной флотилии, в госпиталях и на оборонных заводах.

Для Исаака Осиповича Дунаевского, разлучённого войной с друзьями-соавторами, поэтами, поэтами Василием Лебедевым-Кумачом и Михаилом Светловым, стихи эти и впрямь оказались счастливой находкой. Тут же в купе вагона, на полях журнальной страницы записал он мелодию, навеянную первой строфой «Моей Москвы». В ней, и в самом деле, было почти всё, что необходимо для песни: броское начало, яркий, запоминающийся рефрен. Но нужна была ещё одна строфа. И не одна. А где искать незнакомого автора этих стихов? По каким местам пролегла его фронтовая дорога? И тогда Дунаевский обратился за помощью к молодому режиссёру своего ансамбля Серёже Аграняну, с которым в первые месяцы войны написал не одну песню.

Ночь в купе вагона агитпоезда ансамбля ЦДКЖ, куда Исаак Осипович пригласил Серёжу поработать вместе с ним над песней о родной Москве, стихотворный первоисточник которой попал ему на глаза в «Новом мире», стала поистине звёздным часом для Аграняна. Именно он, любимец ансамбля, «замечательный парень», как называет его в одном из писем Дунаевский, и сочинил остальные строфы «Моей Москвы», без которых представить теперь эту песню уже невозможно:

**Я люблю подмосковные рощи
И мосты над твоею рекой,
Я люблю твою Красную площадь
И кремлёвских курантов бой.
В городах и далёких станицах
О тебе не умолкнет молва,
Дорогая моя столица,
Золотая моя Москва!**

В то время ещё свежи были у всех в памяти волнующие строки очерка Александра Кривицкого, опубликованного «Красной Звездой», где рассказывалось о беспримерном подвиге 28-ми гвардейцев-панфиловцев на подмосковном разъезде Дубосеково и это отозвалось следующей песенной строфой:

**Мы запомним суровую осень,
Скрежет танков и отблеск штыков,
И всегда будут жить двадцать восемь
Самых храбрых твоих сынов.**

Строки эти органично соединились с несколько видоизменённой (по требованию мелодии) концовкой стихотворения Лисянского:

**И врагу никогда не добиться,
Чтоб склонилась твоя голова,
Дорогая моя столица,
Золотая моя Москва!**

Первое исполнение песни состоялось на станции Дивизионная, недалеко от Улан-Удэ, и спела её в сопровождении хора и оркестра под управлением Дунаевского солистка ансамбля ЦДКЖ Марина Бабьяло. Вот что рассказала она мне об этой премьере «Моей Москвы» много лет спустя: «Представьте себе ночь, железнодорожный разъезд, импровизированную сцену, составленную из нескольких платформ, и тут же рядом – составы воинских эшелонов с сибиряками и дальневосточниками, отправляющимися к фронту: вагоны, зачехлённые танки и орудия, суровые лица бойцов в касках, с автоматами на груди.

Этот необычный концерт навсегда мне запомнился. Волновалась я, конечно же, очень. Вы не представляете, как трудно было сдерживать слёзы: москвичи ведь все мы, а Москва-то далеко, а Москве-то трудно... Отзвучали последние аккорды. Что творилось! Заставили петь снова. Пять раз подряд исполняли мы эту песню. Видели бы вы лица бойцов и командиров, слушавших нас, в особенности их глаза, светившиеся решимостью и гневом, гордостью и печалью. Это непередаваемо! Не знаю, право, что тому причиной, но после концерта Дунаевский строго меня отчитал: “Светлее, мажорнее надо петь! Разве не видишь слёзы на глазах людей?..”. Видела. Но что я могла поделать». Такая реакция слушателей на исполнение «Моей Москвы» сопровождала ансамбль повсеместно, где бы он ни выступал.

«В землянке»
Музыка Константина Листова
Слова Алексея Суркова

Песне «В землянке», – по справедливому утверждению автора её стихов, поэта Алексея Александровича Суркова (1899 - 1983), – суждено было стать первой лирической песней Великой Отечественной войны, «безоговорочно принятой и сердцем воюющего солдата, и сердцем тех, кто ждал его с войны». Проникновенный, искренний, тоскующий голос поэта слился в ту трудную, суровую пору с голосами всех разлучённых войной.

«Возникло стихотворение, из которого родилась эта песня, случайно, – вспоминал Сурков. Оно не собиралось быть песней. И даже не претендовало стать печатаемым стихотворением. Это были шестнадцать “домашних” строк из письма жене, Софье Антоновне. Письмо было написано в конце ноября, после одного очень трудного для меня фронтового дня под Истрой, когда нам пришлось ночью после тяжёлого боя пробиваться из окружения со штабом одного из гвардейских полков. Так бы и остались эти стихи частью письма, если бы уже где-то в феврале 1942 года не приехал из эвакуации композитор Константин Листов, назначенный старшим музыкальным консультантом Главного Политического Управления Военно-Морского Флота. Он пришёл в нашу фронтовую редакцию и стал просить “что-нибудь, на что можно написать песню”. “Чего-нибудь ” не оказалось. И тут я, на счастье, вспомнил о стихах, написанных домой, разыскал их в блокноте и, переписав начисто, отдал Листову, будучи абсолютно уверенным, что хотя я свою товарищескую совесть и очистил, но песня из этого абсолютно лирического стихотворения не выйдет. Листов побегал глазами по строчкам, промычал что-то неопределённое и ушёл. Ушёл, и всё забылось.

Но через неделю композитор вновь появился у нас в редакции, попросил у фотографа Савина гитару и под гитару спел новую свою песню “В землянке”. Все свободные от работы “в номер”, затаив дыхание, прослушали песню. Всем показалось, что песня “вышла”. Листов ушёл. А вечером Миша Савин после ужина попросил у меня текст и, аккомпанируя себе на гитаре, спел новую песню. И сразу стало видно, что песня “пойдёт”, если обыкновенный потребитель музыки запомнил мелодию с первого исполнения...».

25 марта 1942 года слова и мелодическая строчка песни «В землянке» были опубликованы «Комсомольской правдой». Так уж получилось, что публикация эта оказалась едва ли не единственной в первые годы войны. Дело в том, что, как вспоминает А.А. Сурков, «некоторым блюстителям фронтовой нравственности» показалось, что строки «До тебя мне дойти нелегко, а до смерти четыре шага» упадочнические, разоружающие. Просили и даже требовали про смерть вычеркнуть или отодвинуть её подальше от окопа. Но портить песню уже было поздно, она «пошла». А, как известно, из песни слова не выкинешь. «О том, что с песней “мудрят”, – заканчивает свои воспоминания Алексей Александрович, – дознались воюющие люди. В моём беспорядочном армейском архиве есть письмо, подписанное шестью гвардейцами-танкистами. Сказав несколько добрых слов по адресу песни и её авторов, танкисты пишут, что слышали, будто кому-то не нравится строчка “до смерти четыре шага”: “Напишите вы для этих людей, что до смерти четыре тысячи английских миль, а нам оставьте так, как есть, – мы-то ведь знаем, сколько шагов до неё, до смерти”».

Неповторимыми пропагандистами «Землянки» в годы войны были замечательные советские мастера песни Леонид Утёсов и Лидия Русланова. Лидия Андреевна записала её в августе 1942 года на грампластинку вместе с «Синим платочком». Однако запись эта не была тиражирована. Только недавно удалось её отыскать, и теперь пластинка с этой песней в неповторимой руслановской трактовке выпущена фирмой «Мелодия». Пели её и многочисленные фронтовые ансамбли.

Свидетельством необычайной популярности и широкого распространения «Землянки» на фронте и в тылу являются многочисленные ответы на неё... По их числу с нею может поспорить разве что не менее знаменитая «Катюша» М. Блантера и М. Исаковского.

Из сборника «”Друзья-однопольчане” : рассказы о песнях, рождённых войной» / Автор-составитель А. Луковников. – Москва : Музыка, 1985. – С. 55.

Интересный случай приводил в своих воспоминаниях К. Листов. Композитору привелось попасть в Новороссийск сразу же после его освобождения. Здесь ему рассказали, что «Землянка» была любимой песней отряда десантников под командованием Героя Советского Союза Цезаря Куникова. В самые напряжённые минуты боя куниковцы, идя на решающий штурм, кричали: «Пой, гармоника, вьюге назло!». «Я горжусь тем, – вспоминал народный артист РСФСР К.Я. Листов, – что “Землянка” была бойцом, участвовала в борьбе и помогала победе».

«Песня о фонарике»
Музыка Дмитрия Шостаковича
Слова Михаила Светлова

«Когда враг напал на нашу страну, повсеместно – сначала от Волги, а потом и глубже, в тылах России, вспоминал о тех днях поэт-фронтовик Евгений Долматовский, – было введено затемнение. На улицах ни фонаря, окна к вечеру плотно закрывались шторами и листами чёрной бумаги. Затемнение придавало фронтовой характер городам и сёлам, как бы далеко от линии боёв они не находились. А люди знали: половина страны погружается ночью в непроглядную темноту, даже машины не зажигают фар, и поезда движутся чёрные. Вражеские самолёты не найдут цели!...».

Песенным отзвуком той поры осталась в памяти многих «Песня о фонарике» композитора Дмитрия Шостаковича и поэта Михаила Светлова. Родилась она в 1942 году и впервые прозвучала в одной из программ оставшегося в Москве ансамбля песни и пляски НКВД. Программа называлась «Отчизна». В её создании участвовало целое созвездие замечательных мастеров советского искусства. Главным режиссёром всех постановок ансамбля военных лет был С. Юткевич. Хоровой группой руководил А. Свешников, танцевальной – А. Мессерер и К. Голейзовский, оркестром – З. Дунаевский и Ю. Силантьев. Художественное оформление возлагалось на П. Вильямса.

Это были не традиционные концерты, а театрализованные представления со сквозным сюжетом, который объединял все хоровые, вокальные, музыкальные, танцевальные и прочие номера. Вот, к примеру, как была «поставлена» «Песня о фонарике». Гас свет и зрительный зал погружался в темноту. После небольшой паузы на сцене загорался одиноко мерцающий огонёк карманного фонарика, за ним другой, третий, четвёртый... Их узкие лучи перекрещивались и как бы затевали весёлую игру, высвечивая попеременно лица исполнителей, переплетаясь в причудливые узоры. А затем, как бы издалека, начинала звучать песня в проникновенном исполнении солиста ансамбля и любимца московских зрителей Ивана Шмелёва:

**Над родной Москвою, вдоль Москвы-реки
Самолёты вражеские шли.
И тогда карманные фонарики
На ночном дежурстве мы зажгли...**

Песня заканчивалась, и на последнем её аккорде вспыхивал свет в зрительном зале. Всякий раз этот номер публика награждала бурными аплодисментами, и нередко песня бисировалась.

«Песня о фонарике» нашла путь к сердцам зрителей не только благодаря прекрасной музыке и словам, а также и потому, что в те далёкие и тревожные военные ночи карманный фонарик был действительно верным другом и бессменным часовым, послужил верой и правдой тысячам людей, всем, кому довелось пробираться ошупью затенёнными улицами городов и сёл, дежурить на крышах домов во время воздушных тревог. И в этом отношении он стал своеобразным символом времени.

Зрители выходили из концертного зала в темноту неосвещённых московских улиц, вглядывались в небо над столицей, которое время от времени освещалось лучами прожекторов. Временами гудели ещё сирены, возвещавшие о воздушной опасности. А из памяти многих никак не выходили незатейливые слова и мелодия очаровательной и нежной песенки о фонарике.

**Бессменный часовой,
Все ночи до зари,
Мой старый друг,
Фонарик мой,
Гори, гори, гори!**

Вскоре её полюбили и запомнили не только в Москве, в особенности после того, как «Песню о фонарике» записал на пластинку и спел на радио другой замечательный певец и неутомимый пропагандист советской песни – Владимир Бунчиков.

«Окутанный дымом сорок первый год», «ночной дозор бессонных москвичей», «задымлённые порохом лица солдат» – защитников Москвы ещё не однажды припомнятся автору «Песни о фонарике» поэту Михаилу Аркадьевичу Светлову и оживут в его стихах, в поэме о двадцати восьми героях-панфиловцах и в песне «Нам не забыть», в которой он и композитор Александр Титов как бы итожат пережитое, написанной в первый послевоенный год и посвящённой 800-летию любимой столицы.

«Песня о двадцати восьми»
Музыка неизвестного автора
Запись и обработка Юрия Бирюкова
Слова Анатолия Софронова

Положи на сердце эту песню,
Эту строчку каждую возьми!..
Жизнь гвардейца!
Повторись!
Воскресни
Песнею о двадцати восьми!..
М. Светлов

В ста километрах от Москвы, вблизи старинного русского города Волоколамска, поезд непременно сбавляет скорость. Здесь, у платформы Дубосеково, справа от полотна железной дороги, посреди неоглядного ровного поля внезапно возникнут и во весь рост поднимутся перед вами шесть громадных фигур воинов в каменных плащпалатках. Без пьедесталов и постаментов навечно встали они на родной земле – последние из легендарных двадцати восьми героев-панфиловцев, телами своими преградивших фашистам путь к столице...

Они поднялись навстречу танкам, вооружённые лишь винтовками, гранатами и бутылками с горючей смесью. Они выстояли и победили, покрыв поле под Волоколамском дымными кострами горящих бронированных машин. Почти все они погибли в том жестоком неравном бою.

Бессмертный подвиг героев-гвардейцев 1075 полка Панфиловской дивизии, преградивших дорогу фашистским танкам у подмосковного разъезда Дубосеково, воплощён не только в этом монументе. Ему посвящены картины. О нём сложено в народе немало песен. Одна из них и открывает этот раздел книги, посвящённый героям Московской битвы. Знаю эту песню давно. Сам пел её, шагая в суворовском и курсантском строю. Потом много лет пытался отыскать её в песенных сборниках, пока не обнаружил в отпечатанной на стеклографе листовке. На титульном листе ставшего теперь уникальным издания – фамилии авторов: композитора М. Иорданского и поэта А. Софронова.

Как рассказал мне Анатолий Владимирович Софронов, стихи о гвардейцах-панфиловцах были им написаны в конце сорок первого года. Их подвиг был тогда у всех на устах. Родились они сразу и тогда же были опубликованы газетой «Красный воин» – боевым печатным органом Московского военного округа и Московской зоны обороны, в редакцию которой он получил назначение после ранения и госпиталя. Когда именно эти стихи были опубликованы, он уже не помнил, а о том, что к ним сочинена музыка, которую поют и помнят в народе, слышал от меня впервые.

В редакции «Красного воина» мне помогли отыскать подшивки с газетами военного времени. В них, начиная с осени 1941 и до лета 1942 года, не однажды встречались стихи будущего автора знаменитой партизанской – «Шумел сурово брянский лес» и других популярных и любимых народом песен с лаконичной подписью: политрук А. Софронов. Была среди них и «Песня о двадцати восьми», перепечатанная вскоре отсюда «Комсомольской правдой» в номере за 10 февраля 1942 года, но без музыки и указания фамилии её автора, и потому музыку к этим стихам сочиняли многие, в том числе композиторы Михаил Иорданский, Павел Гутин. И всё-таки наибольшее распространение в годы войны, судя по собранным мною записям, получил напев, истоком и основой которого послужила мелодия широко распространённой в довоенные годы песни, начинавшейся словами «Там, где пехота не пройдёт, и бронепоезд не промчится...», несколько видоизменившаяся в процессе её бытования. Я обработал, гармонизовал её и предложил для исполнения в передаче «Песня далёкая и близкая» Московскому хору ветеранов Великой Отечественной войны. Тот разучил и спел её в одном из выпусков у памятника героям-панфиловцам.

**Кружилась в поле злая осень,
Летела поздняя листва...
А их в окопе двадцать восемь,
Но за спиной у них Москва!**

Автор-составитель беседы – главный библиотекарь отдела музыкально-нотной литературы
Воронежской областной универсальной научной библиотеки имени И.С. Никитина
Левина Елена Ивановна